

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

СТАЛИНГРАДСКИЙ КАЛИБР

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Окопная правда Победы. Романы,
написанные внуками фронтовиков

Сергей Зверев

Сталинградский калибр

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Сталинградский калибр / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2020 — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками
фронтовиков)

ISBN 978-5-04-112249-2

Декабрь 1942 года. На помощь окруженной под Сталинградом немецкой группировке рвется механизированная армия генерала Гота. Задача советского командования – ответным ударом отбросить врага на запад. Танковая рота лейтенанта Алексея Соколова воюет на самом ответственном участке фронта. Танкистам удастся прорваться к станции Тацинская и захватить немецкий аэродром, с которого снабжается окруженная армия Паулюса. Но гитлеровцы не собираются мириться с потерей авиабазы. Они подтягивают резервы и внезапным ударом отсекают советский авангард от основных сил. Чтобы избежать гибели, Соколов решается на неожиданный и опасный маневр...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112249-2

© Зверев С. И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Зверев

Сталинградский калибр

© Yura Taratunin, zef art, Kozlik, Tasha2030 / Shutterstock.com

© Зверев С. И., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

«Ким, сынок! Тебе одиннадцать лет, ты совсем взрослый. И я хочу, чтобы ты знал, как сражаются наши солдаты, как они защищают свою землю, свой народ от фашистской нечисти. Ты вырастешь, закончится война, но в памяти советских людей слово Сталинград навсегда останется символом мужества, стойкости и безмерной любви к своей Родине. Я буду в каждом письме рассказывать, сынок, о подвигах наших солдат, а ты рассказывай своим друзьям в школе, во дворе. Мальчишки должны знать, как сражаются их отцы и братья на фронте.

Вчера в передовом окопе тяжело ранило красноармейца Поддубного. Но он, преодолевая боль, продолжал наблюдать за противником. Фашисты, перегруппировавшись, хотели скрытно пробраться к нашему левому флангу. Надо было срочно сообщить замысел врага командиру, но Поддубный не мог двигаться. Как быть?

Напрягая все силы, он с большим трудом дополз до соседнего окопа, где сидел боец. Направив его с донесением к командиру, Поддубный остался один. Немцы приближались. Раненый герой решил остановить врага. Ненависть к фашистам влила в него силы. Поддубный поднялся из окопа и одну за другой метнул в фашистов две гранаты. Четырех гитлеровцев разнесло на клочки. Остальных бандитов встретили и уничтожили вовремя предупрежденные советские воины»¹.

Потерявший более 70 % личного состава и боевой техники 24-й танковый корпус вывели для пополнения и оставили в резерве. Лейтенант Соколов, которого утвердили командиром роты средних танков, с завистью слушал о том, как дерутся его товарищи в Сталинграде, как идет операция по окружению германской 6-й армии. «А что я расскажу после войны? – думал молодой танкист. – Был рядом со Сталинградом, но так и не участвовал в битве за город?»

Но как командир Алексей все же понимал необходимость такой передышки для корпуса. Измотанные в боях танкисты засыпали прямо за рычагами, техника была в ужасном состоянии, почти все танки требовали ремонта. А еще, начиная с июня 1941 года, Соколов не встречал частей, полностью укомплектованных людьми и техникой по штату военного времени. Но теперь он сам командовал танковой ротой, в которой имелось 17 танков, включая и его командирскую машину, и танки командиров взводов.

Передышка была не только отдыхом, она максимально использовалась для обучения личного состава, младших и средних командиров. Особое внимание уделялось взаимодействию в бою подразделений: танковых, стрелковых, артиллерийских. И сам Алексей, восстанавливая в памяти все, чему его учили в танковой школе, используя весь опыт, который он получил за эти полтора года войны, учил своих танкистов. Помогали ему в этом и механик-водитель командирского танка Семен Михайлович Бабенко, и командир башни наводчик Василий Иванович Логунов.

Бывший инженер-испытатель Харьковского танкового завода Бабенко оказался прекрасным педагогом. Он учил механиков-водителей роты не только тонкостям владения боевой техникой, но и правильному уходу за ней. А в боевых условиях повышение технического ресурса танка даже на несколько часов, порой могло спасти жизнь экипажу и, что важнее всего, выполнить боевую задачу. Бабенко в роте уважали все: и новички, и опытные танкисты.

Старшина Логунов учил наводчиков своему: как правильно делать упреждение, как разгадать, какой маневр фашист собирается совершить и какие есть признаки того, двинется вра-

¹ Из материалов военных корреспондентов газеты «Сталинградская правда» за 1942 год.

жеский танк вперед или назад. А заодно показывал самые уязвимые места немецких танков, чешских, которых тоже немало было у врага.

Учеба шла своим ходом, техническая подготовка заканчивалась. Каждый танкист чувствовал, что скоро корпус бросят в бой, хотя командиры ничего о ближайших планах не говорили. Таковы правила войны – секретность мера необходимая, а нередко и немаловажный залог успеха. Окружена, зажата плотным кольцом 6-я немецкая армия в Сталинграде. Отбиваются попытки фашистов пробиться, прорвать кольцо и снаружи, и изнутри. Красная Армия сражается с полным напряжением сил, понимая важность разгрома немецких войск на Волге. Значит, понимал Соколов, надо ждать крупного немецкого наступления, значит, надо ждать и наступления Советских войск. В сложившейся ситуации никто не должен стоять на месте – это приведет к катастрофе, к поражению.

«Все, отдых закончился», – думал Алексей, возвращаясь с командного пункта батальона. И несмотря на то что майор Топилин собирал командиров рот для постановки боевой задачи, привычного боевого возбуждения Соколов не испытывал. Он вышел под звездное морозное небо, скрипя сапогами по снегу, остановился и, натягивая перчатки, стал смотреть на звезды. В морозную ночь звезды светят очень ярко, будто даже покалывают, как маленькие льдинки. Вот и началась вторая военная зима. Несмотря на крупные победы Красной Армии в отдельных операциях, все равно приходилось отступать. Это были победы в оборонительных боях: под Москвой, теперь здесь, в Сталинграде. «Медленно, но мы фашистов все равно останавливаем, – думал Алексей. – Народ сражается как зверь, цепляясь за каждую пядь земли. И скоро мы перестанем отступать, перестанем бить ненавистного врага в оборонительных боях. Теперь все».

Лейтенант глубоко вдохнул и с шумом выдохнул морозный воздух. Клубами изо рта повалил пар. Надо идти в свое подразделение и сообщать о принятом командованием решении. «Хорошо, что моя рота полностью готова к бою, – с удовольствием подумал Соколов. – Я же чувствовал, что скоро в бой. Машины в порядке, люди подготовлены. Даже успели все танки выкрасить в белый цвет». Соколов вспомнил про свой командирский танк, про свою «семерку». Логунов вместе с заряжающим Колей Бочкиным раздобыли красной краски и старательно вывели на борту танка его имя «Зверобой».

Вроде бы недавно это было, а кажется, что уже давно. На войне день за три, порой день за год. И там, под Воронежем, когда они получили в подарок новенький танк от женщин сибирского завода, на котором работала мама Коли Бочкина, и возникла идея дать ему имя. Такое, чтобы знали о нем все вокруг, знали на заводе, слышали его имя и гордились. Потому что дорого оружие, которое тебе вручает командир, но во стократ дороже оружие, которое вручают матери. И уж тогда никак нельзя посрамить этого оружия, бить врага придется так, чтобы земля под ногами у него горела. А Коля Бочкин молодец, хорошо придумал. Все мальчишки зачитывались книжками про индейцев, когда Фенимора Купера только перевели на русский язык. Говорят, еще до революции гимназисты зачитывались. А теперь вот и мы. И будем бить фашистского зверя нашим «Зверобоем». «Так и надо будет с ребятами поговорить перед боем», – решил Алексей.

На востоке над лесом в морозное чистое ночное небо взлетели две красные ракеты. Соколов сразу остановился, глядя вдаль. Ракеты были «тревожные», что-то случилось. И тут ответом на его вопрос ночной воздух прорезали пулеметные очереди. Одна, вторая, а потом длинная на расплав ствола. Так бьют из пулемета в критических ситуациях, не экономя патроны, чтобы остановить врага, залить ему дорогу свинцом. «Черт, там ведь мои ребята!» – Соколов бросился к крайним домам, где была расквартирована его рота, сетуя на то, что комбат приказал ему самому поселиться в доме, ближе к штабу батальона.

Впереди взревел танковый двигатель. Каким-то чутьем Алексей догадался, что это была его «семерка». То и дело проваливаясь валенками в глубокий снег и соскальзывая с утоптанной

тропы, он все же успел добежать до своих и увидеть, как, взметая снежную пыль, от бревенчатой хаты отъехал танк с надписью «Зверобой» на борту. Из домов выбегали танкисты, появились красноармейцы из стрелкового полка в полушубках и с винтовками. У крайнего дома какой-то танкист в ребристом шлеме и фуфайке пытался завести трофейный мотоцикл. Омаев? Мотоцикл наконец завелся. Развернувшись на месте, чуть не перевернув машину коляской вверх, молодой чеченец понесся по дороге в заснеженное поле.

– Занять позицию! – кричал знакомый старший лейтенант, командуя своими пехотинцами. – Пулеметы на фланги. С гранатами – ближе к дороге, засесть в щелях!

– Что случилось, Говоров? – Алексей подбежал к старшему лейтенанту и упал рядом в снег возле крайнего сарая.

– А, ты здесь? Хорошо! – кивнул командир, узнав танкиста. – Немцы прорвались. То ли из окружения кто-то вырвался, то ли к ним пробиться пытался, а теперь назад пошел. Неясно. Сообщение получили с поста регулировщиц. Несколько крытых грузовиков прошли. Регулировщица пыталась их остановить, свернуть колонну. Ее сбили. Подоспела санитарная машина, которая шла в госпиталь. Девушка успела сказать, что это немцы и умерла. Сколько машин, никто не видел. По радиации передали сообщение тревоги и выпустили ракеты. Вот и все! А теперь, видишь, через нашу станицу решили прорваться!

Старший лейтенант кивнул на дорогу, со стороны которой слышалась стрельба. Отчетливо слышны были короткие расчетливые очереди ПППШ и длинные очереди немецких «шмайсеров». Звонко ударила пушка «тридцатьчетверки». В свете вспышки Алексей увидел белый силуэт «Зверобоя» за занесенными снегом скирдами. Взрыв осколочно-фугасного снаряда осветил часть дороги. Грузовую машину перевернуло, свалив на обочину, и она тут же загорелась. Теперь стало видно, что там, на дороге, стоят еще три грузовика и от них во все стороны разбегаются солдаты в белых куртках немецких горных егерей.

И тут заработал станковый пулемет. Алексей остановил пробежавшего мимо танкиста из второго взвода и передал приказ поднимать роту по тревоге и заводить моторы. Взяв бинокль у старшего лейтенанта, Соколов стал разглядывать поле впереди. Так и есть, вон мотоцикл, вон несколько окопчиков и блиндаж боевого охранения у дороги. Значит, там бойцы увидели ракеты и попытались остановить машины. И попали под огонь гитлеровцев. Видимо, у них убили пулеметчика. А теперь подоспел Омаев. И Логунов молодец: не стал дожидаться приказа, а вывел «Зверобоя» вперед. Темнота, танк выкрашен в белый цвет, занесенные снегом копыны. Он там маневрировать может долго, даже если у немцев кроме грузовиков оказались бы еще и танки.

Когда через тридцать минут на окраину станицы прибыл командир 54-й танковой бригады полковник Поляков, немцы уже сдавались. Выдвинув один взвод с десантом на броне на помощь Логунову, Соколов перекрыл дорогу, не дав возможности немцам снова уйти в ночь на машинах. А прямо от окраины станицы на немцев пошла стрелковая рота под прикрытием второго танкового взвода. Третий взвод лейтенант оставил в резерве. Неизвестно, сколько еще немцев прорвалось в наш тыл и каковы их замыслы.

Командир бригады подождал, пока Соколов отсоединит от своего шлема кабель ТПУ и спрыгнет с брони танка на снег.

– Ты командовал? – не дожидаясь доклада, спросил полковник. – Какие потери?

– Двое убитых и трое раненных в боевом охранении, товарищ полковник, – козырнув, ответил Алексей. – Потом немцы просто сдались. Боялись, что мы их по снегу гусеницами раскатаем.

– Садись в машину, лейтенант, – кивнул полковник. – Доложишь лично командиру корпуса об этом бое. И где это Баданов таких командиров себе набирает? Мне бы кто это место подсказал.

– Дежурный, командиров взводов ко мне! – приказал Соколов, входя в бревенчатый деревенский дом, в котором жил со своим экипажем и куда был протянут полевой телефон из штаба батальона. – И замполита²!

– А я уже здесь! – раздался голос лейтенанта Краснощекова.

Алексей с неудовольствием бросил взгляд на замполита, который по-хозяйски расположился за круглым столом в горнице. Михаил Краснощеков был неплохим парнем, но «политрук» в нем сидел глубоко и крепко. Многие политруки за эти полтора года войны правильно стали оценивать свое положение и свою роль в армии, на фронтах Отечественной войны. Не то уже было время, не Гражданская война, когда в Красной Армии служило много военспецов – бывших царских офицеров. Да, тогда была необходимость доверять, но проверять, нужно было надзирать за командирами из чуждых солдатам слоев общества. Но сейчас, когда Советская страна вырастила, воспитала и обучила много командиров, проверила их в горниле боев в Испании, на Халхин-Голе, в районе озера Хасан, необходимость в этом отпала. Да и в войне с белофиннами многие командиры тоже прошли закалку. Теперь в войсках нужны замполиты, люди, которые умеют найти подход к сердцу солдата, открыть ему глаза на политические события в мире и в нашей стране, научить правильно оценивать ситуацию. И самое главное, вести за собой не только командирским словом, но сердцем большевиков в бой.

Но Краснощеков почему-то все время пытался уличить ротного командира в политической безграмотности, в неправильной трактовке политики партии. Самое неприятное, что замполит часто делал это при командирах других рот и даже при подчиненных. Соколов злился, но терпел, считая, что все это временно. Вот вступит корпус снова в бой, и будет не до этого. Там будет видно, кто чего стоит. А Краснощеков прибыл в батальон всего три месяца назад и вместе с танкистами еще в бою не бывал.

Взводные командиры пришли быстро. Каждый из них знал, что Соколов отправился к командиру батальона, все ждали приказа о наступлении. В сенях стало сразу шумно, командиры топали ногами, сбивая снег с валенок, отряхивали полушубки и шапки. Алексей смотрел на своих подчиненных со смешанным чувством. За эти месяцы он успел привыкнуть ко всем своим взводным. Он ждал наступления, рвался в бой и в то же время понимал, что может скоро потерять кого-то из своих танкистов, потому что войны без жертв не бывает.

Вот они: веселые, уверенные в себе, знающие и опытные командиры. Лейтенант Павел Сайдаков – командир второго взвода. Воюет с начала войны, был командиром танка. Летом окончил курсы и получил звание младшего лейтенанта. Уже здесь, в Сталинграде, получил лейтенанта. Невысокий, черноволосый, с опаленными бровями, он был выходцем с берегов Азовского моря, из семьи рыбака. А сейчас технически грамотный командир, превосходно освоивший тактику танкового боя.

А вот белобрысый волжанин Ленька Букин. Смешливый светлоглазый балагур. Недавно прибыл из танковой школы с одним кубиком младшего лейтенанта. А до этого воевал почти год. Успел побывать и сапером, и пехотинцем. Теперь судьба забросила его к танкистам, и это уже до конца войны. Соколов знал приказ: всех командиров и красноармейцев из бронетанковых войск после госпиталей и при реформировании частей обязательно направлять только в танковые части и подразделения. Для танкистов даже ввели особый учет.

Третьим вошел уральский тракторист, плечистый коротконогий старшина Мефодий Плужин. Спокойный, хладнокровный, с руками, в кожу которых глубоко въелись моторное масло и соляр. Почти все танкисты в его взводе прошли со старшиной путь от Харькова. Горели, лежали в госпиталях, но успевали вернуться в свое подразделение, пока оно не отхо-

² С октября 1942 года в Красной Армии должности политруков и их надзорные за командирами функции были упразднены. В подразделениях и частях их заменили заместители командиров по политической части.

дило дальше на восток. Многие долечивались в санбатах, ходили на перевязки и слушали ворчание молоденьких сестричек.

– Прошу садиться. – Соколов вышел на середину горницы, расправив привычно складки гимнастерки под ремнем.

Его командиры уселись за стол, зашелестели картами, доставая их из командирских планшетов. Сайдаков с Букиным многозначительно и весело переглядывались. Плужин, наоборот, сосредоточенно доставал свою карту, бережно разглаживая ее на столе темной ладонью. Похвалив командиров за слаженные действия во время ночного боя и передав благодарность командира корпуса, Алексей стал задавать обычные вопросы о состоянии матчасти, готовности к маршу и бою, здоровье личного состава. Потом он перешел к главному.

– Завтра батальон выдвигается на передовую для выполнения боевой задачи...

– Наконец-то, – раздалось за столом. – А то уже гусеницы ржаветь начали.

– Отставить, товарищи командиры! – вдруг подал голос замполит. – Вам командир ставит боевую задачу, а у вас шуточки! В бою тоже шутить будем?

– В бою мы будем сражаться так, как сражались до этого не один месяц, – ответил за всех сразу помрачневший Сайдаков. – Не щадя себя и уничтожая фашиста!

– А кто здесь командир? – строго, но чуть шутливо остановил спор Соколов. – Эмоции хороши на отдыхе, а когда дело касается боя и марша, то каждый танкист должен быть сосредоточен и серьезен. Техника веселья не любит! Прошу не перебивать, товарищи командиры.

Алексей постарался говорить так, чтобы его слова принял на свой счет и замполит. Хотя, честно говоря, он прекрасно понимал своих взводных командиров. Лейтенант и сам испытывал азартное возбуждение, душевный подъем из-за предстоящего боя. И этот бой он в голове уже представлял, уже прикидывал действия своих экипажей. Но выражать эмоции было и впрямь не время. И Алексей старался говорить короткими понятными фразами, вглядываясь в лица командиров, стараясь понять, доходит до них важная информация, ясен ли его замысел и замысел командования.

– Этот прорыв будет разведкой боем, товарищи! В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое декабря мы скрытно выходим на Островской плацдарм, откуда и развернется основное направление прорыва корпуса. Таких прорывов будет несколько, и их цель, во-первых, уточнить глубину эшелонированной обороны врага, ее систему и расположение огневых точек и позиций. Во-вторых, прорыв корпуса будет иметь и дезориентирующую цель. Фашисты не должны знать, где готовится основной удар, а мы должны понять, откуда они собираются нанести удар своего бронированного кулака для деблокирования армии Паулюса в Сталинграде. Теперь внимание на ваши карты, товарищи.

Командиры, не делая пока пометок, стали водить карандашами по картам, выискивая населенные пункты и оценивая направление удара корпуса. Соколов посмотрел на свою карту и снова поднял глаза на командиров.

– По команде командира батальона рота разворачивается общим направлением на станцию Заозерную. Место и время смены направления атаки будет выбрано по обстоятельствам, исходя из реального положения корпуса и хода операции. Задача роты с ходу захватить станцию Заозерную, занять оборону и обеспечить прикрытие фланга наших частей. Станцию держать до приказа командования. В случае чего, помощи ждать неоткуда, рассчитывать придется только на себя. Надеюсь, все это понимают?

– А мне бы еще хотелось напомнить товарищам командирам о приказе товарища Сталина, – вдруг сказал Краснощеков. Замполит поднялся и вышел вперед, остановившись рядом с Алексеем и глядя на сидевших за столом взводных командиров. – Об историческом приказе номер двести двадцать семь! Каждый боец, каждый командир должен помнить сам и не давать забывать своему товарищу, что это приказ товарища Сталина: «Ни шагу назад»!

Замполит продолжал говорить, на каждое свое слово он отмахивал рукой так, будто гвозди вколачивал. Лица танкистов стали хмурыми, у Сайдакова заиграли желваки на скулах. А Краснощеков все вещал о дисциплине, о трусах, из-за которых Красная Армия докатилась до Волги. Алексей хотел было прервать своего замполита, ведь в его роте трусов не было. Все танкисты дрались насмерть, не щадя своей жизни. И то, что говорил Краснощеков, звучало как унижительное оскорбление. Но и оборвать своего заместителя по политической части Соколов не мог. Краснощеков не скрывал того, что считает командира роты недостаточно политически грамотным, допускающим ошибочные высказывания. Возможно, где-то в недрах политического отдела корпуса лежали его рапорты на своего командира.

Нельзя было идти напролом, в этом вопросе нужна была гибкость, и это Алексей понимал хорошо. Понимал он и то, что лейтенант Краснощеков не был карьеристом, не выслуживался перед своим начальством. Он был горячо убежден в том, что говорил. Замполит верил, что его работа, именно вот такая, важна для армии, важна для победы.

– Каждый из нас, – Соколов резко прервал речь замполита, – знает об озабоченности товарища Сталина, знает, сколько сил он тратит во имя победы. Его гением, его волей страна победит! И мы все, как один, будем сражаться за товарища Сталина, за свою Родину, за свой народ и не отступим ни на шаг. Умрем, но не отступим! Верно товарищи?

– Верно, – облегченно закивали головами взводные. – Мы еще погоним фашиста, так погоним, что только пятки засверкают!

– А сейчас, товарищи, прошу всех по своим взводам. – Соколов поднял руку и посмотрел на наручные часы. – Завтра в десять ноль-ноль прошу доложить полную готовность к бою. С этой минуты требую срочных докладов, если что-то будет мешать полной готовности. Чем раньше доложите, тем быстрее решим проблему.

Командиры, заправляя на ходу карты в планшеты, двинулись к выходу, где у двери на гвоздях висели их полушубки. Переговаривались вполголоса, в основном радуясь тому, что снова в бой, что наконец Красная Армия сдвинется с места. Замполит подошел к Соколову и оперся кулаками о стол, заглядывая Алексею в глаза.

– Зря ты не дал мне договорить, командир! – сказал он с упреком. – Танкистам перед боем, перед серьезным рейдом нужно сильное слово. Нужно поднимать энтузиазм личного состава и командиров. Их нужно вести в бой не просто на врага, а еще и под знаменем светлого будущего, которое мы несем всему миру. Ты это понимаешь?

– Конечно, Михаил! – заверил Соколов. – Я просто решил, что ты уже закончил говорить, и решил поддержать тебя словом командира. Говорил ты хорошо, правильно. Ты сейчас пойдешь по взводам, поговоришь с коммунистами?

Это был хитрый ход. Алексею хотелось отправить замполита заниматься его делами, а самому остаться одному, подумать о предстоящем рейде. А потом еще нужно сходить к своему экипажу и отдать письма. В штабе батальона почтальон передал письма Бочкину и Омаеву. Ребятам надо прочитать, что пишут родные, успеть ответить до того, как они пойдут в бой.

– Да, я попозже отправлюсь по экипажам, – одобрительно кивнул замполит. – А сейчас я хотел бы тебе представить военкора из «Сталинградской правды». Он прибыл только сегодня, но без тебя я его никуда не пускал. Сидел в столовой, очерк писал.

– Военкор? – Алексей пожал плечами. – Ну, зови своего журналиста. И скажи там дежурному, чтобы чаю нам принес, что ли! Гость все-таки.

Соколов углубился в изучение карты предстоящих боевых действий. После совещания он хорошо представлял, как планировалось провести этот рейд. Но еще лучше лейтенант знал, что планы часто нарушаются из-за факторов, которые до последнего останутся неизвестными. Особенно это касается таких операций, как «разведка боем». Когда нет данных о силах противника в полосе предстоящего наступления, когда есть угроза наступления врага на твоём

участке и надо ввести фашистов в заблуждение относительно планов командования Красной Армии, тогда и применяется этот способ разведки. Враг проявит себя полностью, раскроет свои возможности и силы тем ярче и полнее, чем сильнее и правдоподобнее будет наноситься удар. И сейчас будет задействован весь корпус.

Алексей был переведен в 24-й танковый корпус сразу после боев за Воронеж. Он знал, что генерал Баданов принял войска в апреле после тяжелых боев под Харьковом, когда корпус потерял две трети личного состава и техники. Части вывели на переформирование. И сейчас корпус находился в составе резерва Верховного Главнокомандующего. У Баданова были три танковые бригады: 4-я гвардейская танковая, 54-я танковая, 130-я танковая, а также 24-я мотострелковая бригада, 658-й зенитно-артиллерийский полк и 413-й отдельный гвардейский минометный дивизион. Рейд задумывался сложным по своим задачам и глубине проникновения на территорию, занятую фашистами. На сегодняшний день, как было известно Соколову, в корпусе укомплектованность танками составляла 90 %, личным составом – 70 %, автотранспортом – 50 %. Всего в его составе насчитывалось более 91 танка Т-34 и Т-70.

Изучая топографическую карту, Алексей прикидывал, где будет удобнее развернуть танки своей роты на юг и атаковать Заозерную так, чтобы для врага это было полной неожиданностью. Будет с ним стрелковое подразделение или придется брать Заозерную только танками? Скорее всего, будет десант на броне, потому что автотранспорта маловато в корпусе, и пополнить нехватку уже не успеют. Да и за время рейда в первые дни техника уже понесет потери. Значит, можно не вламываться в станицу броней. Подавить огневые точки, дать возможность пехоте войти за первые дома и закрепиться там. Охватить станицу с двух сторон, выявить узлы обороны, а потом совместными усилиями с пехотой разгромить врага.

– Разрешите, товарищ командир? – раздался за спиной мягкий и какой-то совсем невоенный мужской баритон.

Соколов повернул голову. У двери стоял высокий молодой мужчина в военной шинели с одиноким кубиком младшего лейтенанта на петлице. Гость был весь какой-то нескладный: и шинель на нем топорщилась, как на новобранце, и шапка была натянута глубоко на уши. Да и стоял младший лейтенант сутулясь, опустив плечи и чуть наклонив голову, будто с интересом к чему-то прислушивался. Неловко поднеся пальцы к ушанке, гость представился:

– Младший лейтенант Ванюшкин. Военный корреспондент газеты «Сталинградская правда». Прибыл в ваш корпус для написания очерка о танкистах. В политотделе меня направили в том числе и в вашу роту. Мне бы хотелось написать про ваш танк «Зверобой». А заодно и про сегодняшний бой.

– Проходите. – Соколов подошел к корреспонденту и пожал его неожиданно твердую сильную руку. – Сколько вы всего перечислили. Боюсь, вам целый цикл очерков придется писать. Рота новая, я ее получил недавно и в боях, кроме сегодняшнего ночного, с ней еще не участвовал. Так что писать о боевом пути подразделения нечего.

– А танк? Ваш «Зверобой»? Я про него уже столько наслушался, но мне хотелось бы и с вами и с экипажем танка познакомиться, побеседовать. Это же такая история, что сразу за душу берет. И мне хочется, чтобы читателей тоже за душу... и гражданское население, и бойцов.

– Тут вы правы, – улыбнулся Алексей. – О таком стоит написать, и я горд, что именно в моей роте этот танк, что именно с его экипажем я воюю почти с самого начала войны. Об этом должны знать советские люди, что весь народ кует победу. Что не только на фронте, но и в тылу. Что матери дарят сыновьям боевую технику, дают в руки оружие, которым они будут бить врага.

– Расскажите про танк, который мать подарила вашему танкисту?

– Конечно! Да вы раздевайтесь, и давайте знакомиться. Меня зовут Алексей. – Соколов снова протянул руку.

– Ванюшкин, Олег! – корреспондент снова пожал руку танкисту и принялся расстегивать шинель. – Я, знаете, не сразу на фронт попал. Меня признали негодным для строевой службы. В детстве у меня был перелом ноги, срослось неправильно, и одна нога немного короче. Говорят, если было бы хоть техническое образование, можно решить. Куда-то во вспомогательные войска, службы. А я историк по образованию, чем могу помочь армии? А потом политрук знакомый подсказал, куда пойти. Он знал, что у меня получается писать на исторические темы, и рассказывать умею. Я даже начал писать исторический роман. Он и говорит, мол, у тебя «язык подвешен», иди в военкоры. Вот так и получилось, взяли меня и даже звание присвоили. Я младшим политруком был, а теперь, когда политруков упразднили, стал общевоинским младшим лейтенантом. Вот так!

В избу с шумом ввалились двое солдат из комендантского взвода. С ними вернулся и Краснощек. Поздоровавшись с корреспондентом, замполит принялся рассуждать о пользе пропаганды в действующей армии, а заодно и руководить солдатами, которые принесли вскипевший чайник и стали разжигать печь, чтобы можно было его подогревать. Да и в избе было, честно говоря, уже холодновато. Соколов поморщился. Душевного разговора не получится, если в беседе будет участвовать и замполит. Ванюшкин Алексею понравился. Было в нем что-то искреннее и простое, что сразу располагало к нему собеседника.

Они сидели за столом, за чаем, и теперь уже корреспондент, выслушав историю танкистов, принялся рассказывать, что ему довелось увидеть и пережить в Сталинграде. Он там был почти непрерывно с августа и видел очень многое.

– Знаете, – глаза Ванюшкина сделались темными, а голос хриплым и напряженным, – видеть гибель наших солдат было не самым страшным. Мы с вами надели военную форму и пошли воевать. И каждый из нас готов умереть в бою за Родину. Я видел много героических смертей. Таких, что слезы злости душили, а в груди поднималась волна гордости за наш народ, который родил таких богатырей. Самое страшное сделали фашисты с мирным населением. Я так понял, что слишком поздно стали эвакуировать жителей, детей. Много горожан было задействовано на строительстве оборонительных сооружений. А потом в считанные дни немецкая авиация разрушила город. Бомбежками они уничтожили сразу больше половины жилого фонда довоенного Сталинграда. Весь центр города превратился в громадную территорию, покрытую горящими руинами. Эти варвары после фугасных бомб сбросили зажигательные. Загорелась сразу очень большая территория строений. Мне потом один инженер рассказывал, когда я по передовой с бойцами ползал на животе. Он показывал железные конструкции, камень оплавленный. Этот эффект называется «огненный вихрь». Из-за того что горело сразу все, температура была очень высокой, и огонь распространялся молниеносно, как шквал! Центральная часть города мгновенно была выжжена дотла. Вместе с жителями. Пожар очень быстро перекинулся на остальные районы Сталинграда, ведь большинство зданий в городе были построены из дерева или имели деревянные элементы. Этот инженер мне рассказал, что температура во многих частях города, особенно в его центре, доходила до тысячи градусов. Мы находили тела, которые от прикосновения рассыпались в черный прах.

Соколов сидел, сжимая в руках металлическую кружку, и чувствовал, как внутри у него все наполняется гневом. Хотелось прямо сейчас подняться и отдать приказ «по машинам». И пойти в атаку, убивать, убивать и убивать этих нелюдей, которые пришли на его землю и не щадят никого. Много страшного он видел на войне, но что рассказал корреспондент, было ужаснее всего. Ужасно, когда гибнут женщины, дети, старики.

Краснощек в своей обычной манере начал говорить высокопарными фразами, размахивая рукой, приводя примеры героических подвигов советских воинов. «Зачем он все это говорит здесь, нам? – думал Алексей. – Мы не новобранцы, мы хлебнули этой войны по самые ноздри. И будем сражаться так, как сражались наши солдаты в Сталинграде». Он читал газеты, «боевые листки», знал о подвигах. Один подвиг сержанта Павлова с его товарищами чего

стоил. 58 дней фашисты не могли их выбить из одного-единственного дома. Почти два месяца!
«Нет, мы теперь пойдем на запад, и нас врагу не остановить!»

Комната в здании райисполкома освещалась несколькими керосиновыми лампами. Это был временный командный пункт, который подготовили для совещания в полуразрушенном здании. Когда Баданов вошел, то увидел склонившихся над картой командующего Юго-Западным фронтом генерала Ватутина и представителя ГКО Василевского. «Значит, в бой, – подумал Василий Михайлович. – Когда вызывают командующие такого ранга, это всегда к приказу о наступлении». Вскинув руку к шапке, Баданов доложил о прибытии Василевскому, как старшему по должности.

Ватутин смотрел на Баданова своим обычным прищуром, будто оценивал его коренастую фигуру. Не зря Николая Федоровича еще в училище курсанты прозвали «психологом», а потом, намного позже, уже немецкие генералы нарекли его «гроссмейстером».

– Ну как, Василий Михайлович, – спросил Василевский, постукивая карандашом по карте. – Готов воевать твой корпус? И не просто воевать, а крушить врага так, чтобы клочки летели?

– Так точно, товарищ генерал-полковник, – кивнул Баданов и уверенно заявил: – Полетят!

– Ну, тогда давай, Николай Федорович, – велел Василевский Ватутину, – ставь задачу корпусу.

Баданов подошел к карте. Ватутин еще раз глянул на него с прищуром и стал говорить и показывать кончиком карандаша на карте.

– Смотри, генерал! Операция «Уран» предполагала окружение и расчленение сил шестой немецкой армии в Сталинграде. По нашему замыслу, после ее разгрома войска, которые были задействованы в операции «Уран», должны развернуться на запад и включиться в операцию «Сатурн». Общее направление наступления предполагалось на Ростов-на-Дону. Одновременно с этим южное крыло Воронежского фронта должно нанести удар по восьмой итальянской армии к северу от Сталинграда и наступать двумя направлениями: река Донец и Ростов-на-Дону. Тем самым мы прикрываем северный фланг Юго-Западного фронта в период наступления. Понял стратегию?

– Понял, Николай Федорович, – кивнул Баданов. – Только я понимаю так, что будут изменения. Ведь нам не удалось расчленить армию Паулюса.

– Вот именно! – резко бросил Ватутин. – Поэтому, в связи с неполной реализацией «Урана», операция «Сатурн» будет заменена на «Малый Сатурн». Воронежский фронт вместе с Юго-Западным и частью сил Сталинградского фронта концентрированными ударами должны отбросить противника на сто – сто пятьдесят километров на запад от окруженной группировки фашистов и разгромить восьмую итальянскую армию. Наступление планировалось начать еще десятого декабря, но не удалось вовремя доставить к местам дислокации новые войсковые части. Вот, Александр Михайлович сумел убедить товарища Сталина в необходимости переноса сроков. Она начинается шестнадцатого декабря.

– Между прочим, – Василевский отбросил рукой непослушный чуб, спадавший ему на глаза, – я доложил товарищу Сталину, что на начальном этапе операции «Малый Сатурн» будет задействован твой корпус. Товарищ Сталин знает о том, как твои орлы сражались под Харьковом. Он высоко ценит тебя как командира. И лично просил передать тебе, что надеется на корпус, на твоих бойцов и командиров. Задачу предстоит выполнить непростую. Мы давно планировали использовать корпус в ключевых боях грядущего наступления. Поэтому и дали время для отдыха и пополнения.

– Смотри сюда. – Ватутин постучал карандашом по карте. – С Островского плацдарма ты наносишь удар по позициям восьмой итальянской армии и выходишь в тыл немцам. Тебе

предстоит совершить рейд по тылам фашистов силами только твоего корпуса. Перед корпусом будет стоять сразу три задачи: попытаться отрезать оперативную группу немецких войск от Ростова-на-Дону, отвлечь на себя немецкие войска, которые нацелены на Сталинград, и разгромить аэродром у станицы Тацинской, который используется для снабжения окруженной армии Паулюса. Истинные задачи знаешь только ты! Секретность подготовки и способы доведения приказов до частей с максимальной секретностью, иначе вся операция теряет смысл. Просто погубим людей и технику. Начнешь, девятнадцатого, Василий Михайлович...

Глава 2

Хорошо смазанные петли на двери даже не скрипнули, когда Соколов вошел на вторую половину большой хаты, где жил экипаж «Зверобоя». Порядок чувствовался во всем: и со ступеней у входа сметен снег, и в сенях аккуратно стоит веник, лопата, а уж в комнате и вовсе не к чему было придраться. Командир танка Логунов свое дело знает, все-таки вторую войну вытягивает. Прекрасно знал сибиряк, что разгильдяйство, лень ведут к падению дисциплины, а в бою – к неминуемой гибели. Только беспрекословное повиновение командиру, четкое выполнение каждого приказа. И неважно, чего касается приказ: своевременной чистки личного оружия, свежего подворотничка на гимнастерке или атаки врага в боевой обстановке.

Соколов поразился тишине, которая стояла у танкистов. За большим дощатым столом у окна сидел Бабенко, читая засаленный формуляр с какими-то схемами и чертежами. Рядом с ним расположился Омаев с разобранным пистолетом ТТ, а у печки обнаружился гость – корреспондент Ванюшкин. Младший лейтенант сидел босиком, зябко поджимая пальцы ног, и что-то строчил в блокноте. На печке сушились валенки и портянки, видимо Ванюшкина. А в противоположном углу шел явный воспитательный процесс. Логунов в одной нательной рубашке навис над шуплым заряжающим Бочкиным и тихо, почти неслышно для окружающих, делал ему серьезное внушение. Коля повесил голову и только кивал в ответ. «Правильно, Василий Иванович, – с одобрением подумал о командире танка Соколов. – Незачем при посторонних члена экипажа ругать».

Алексей не успел закрыть за собой дверь, как услышавший его старшина тут же гаркнул на всю хату:

– Отделение, смирно! Товарищ лейтенант, экипаж танка находится на отды...

Договорить наводчику Соколов не дал. Буркнув «отставить» и «сидите, ребята», он начал снимать шинель. Ванюшкин, потоптавшись босыми ногами по холодному полу, снова уселся ближе к печи.

– А я вот у вашего экипажа задержался. Там у колодца какой-то неумеха, набирая в бочку воду, разлил вокруг целое озеро, а я валенками, конечно же, туда влез. Обеими ногами. Пришлось проситься на просушку!

– Сушитесь, Олег Николаевич, – с улыбкой кивнул Соколов. – А как ваш очерк? Пишется?

– Вы про это? – Корреспондент покрутил в руках блокнот. – Тут, знаете ли, все: и материалы к очерку, и заметки на будущее, чтобы не забыть, кое-какие данные, фамилии, даты. А еще... Еще письмо сыну. Я обещал ему писать обо всем, хочу, чтобы он вырос настоящим мужчиной и защитником своей Родины. Хочу, чтобы помнил все это.

– Сколько ему? – не удержался от вопроса Логунов, стоявший рядом и слушавший разговор командиров.

– Уже одиннадцать, – с мягкой улыбкой ответил Ванюшкин. – Да-да, вы не смотрите так. Думаете, слишком взрослый? Так и мне уже тридцать три года.

Корреспондент ушел, а танкисты еще долго сидели за столом. Уже и чайник остыл, а Алексею не хотелось уходить на свою половину. За этот год он сроднился с экипажем. По сути, у него и не было никого ближе этих людей, с которыми он порой делил последний кусок хлеба, последний глоток воды, с которыми был готов не раз умереть. Это была его семья. Но нельзя забывать, что он командир, и при всей теплоте отношений нужно вести себя как надо.

Алексей понимал, что его экипаж в прошлом бою, когда к станице прорвались гитлеровцы, повел себя правильно, инициативно. Благодаря действиям экипажа «Зверобоя» удалось избежать во время боя больших потерь. Но все же было и за что пожурить своих подчиненных.

– Так что хвалю за инициативу, ребята, – закончил разбор боя Соколов. – Но на будущее хочу сказать, что подобные выходы могут привести к неоправданным жертвам. Вы же не партизаны в лесу, вы регулярная армия. Вы обязаны были доложить командиру, предложить свой вариант действий, если он у вас был. Но никак не кидаться в бой без разрешения. Огнем из укрытия рота танков вполне могла сдержать любого противника, наступавшего со стороны открытой степи.

– Там ребята погибли, товарищ лейтенант, – хмуро напомнил Омаев. – Боевое охранение приняло удар на себя. А до этого девчонки-регулирующие...

– Руслан! – начал было Алексей.

– Виноват, товарищ лейтенант, – тут же отозвался Омаев, получив под столом пинок от Логунова.

– А корреспондент хороший мужик, между прочим, – внимательно глянув на Логунова и Колю Бочкина, заявил Бабенко. Механик-водитель почесал пальцем бровь и снова стал наливать себе чаю. – Казалось бы, еще совсем молодой человек, ему едва за тридцать, а рассуждает мудро. Вы заметили?

– Уже успели пообщаться? – Соколов усмехнулся, оценив попытку Бабенко сгладить ситуацию. – Человек политически подкованный, с высшим образованием. Чего вы хотите!

– А тут дело не в образовании, мне кажется, – поддержал друга Логунов. – Тут дело во взгляде на жизнь вообще. Можно в политических вопросах разбираться, а в семье жизни никакой нет. В бытовых вопросах оставаться можно олухом царя небесного. Вот и все твое образование. А Ванюшкин, да! Что его ни спроси, ответит, рассуждает мудро, будто жизнь прожил.

– Эх, вот бы нам... – начал было Бочкин, но Логунов одарил его таким взглядом, что Николай поперхнулся и подвинул чашку Бабенко. – А мне нальете еще кружечку, Семен Михайлович?

Соколов догадался, что готово было сорваться с языка заряжающего. Лейтенант и сам успел подумать о том же. Их замполит вещал только на политические темы, а вот поговорить по душам с танкистами, выяснить, что тревожит каждого, не умел. У кого дома неладно, кого терзают сомнения или неизвестная судьба близких. Много чего на душе у солдата, когда он надолго оторван от родных, а по стране катится страшная война. Надо уметь разговаривать с людьми, понимать их души, уметь находить слова, чтобы успокоить, обнадежить, вернуть веру. Иногда просто поддержать теплым словом, что-то посоветовать. Но обсуждать замполита роты, старшего по званию, было нехорошо. И уж тем более в присутствии командира роты.

«Ким, сынок! Я хочу, чтобы ты знал, с каким зверем мы сражаемся, чтобы ты хорошо понимал, кто пришел на нашу землю, кто топчет ее и льет кровь наших людей. Ты прочитаешь это и поймешь, почему так самоотверженно сражаются наши бойцы, почему никто на фронте не щадит себя. Подлый враг пришел к нам, чтобы не просто захватить нашу землю, он хочет зверски замучить наш народ, стереть с лица земли наше государство. Я переписал Акт, который составили наши командиры, когда в результате наступления удалось отбросить врага, и вот что мы обнаружили. Переписываю все слово в слово. Вот такая она – война!»

«23 ноября 1942 года мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о зверствах, совершенных немецко-румынскими оккупантами над ранеными и трупами героически погибших 27 бойцов и командиров.»

23 ноября 1942 года при занятии нашими войсками переднего края вражеской обороны обнаружено 27 трупов бойцов и командиров. При осмотре установлено, что немецкие палачи издевались над тяжелоранеными красноармейцами, уродовали трупы убитых. Все наши 27 бойцов были исколоты штыками, головы у них были разбиты прикладами, руки изуродованы.

Так, например, труп старшего лейтенанта Саенко, агитатора полка, удалось узнать только по одежде. Его голова, лицо и тело были почти сплошь покрыты иттыковыми ранами»³.

– По машинам, товарищи! – приказал Соколов, закончив свою короткую напутственную речь перед танкистами.

Пар клубился над строем, но вот танкисты бросились врассыпную, каждый экипаж к своей машине. Затопали подошвы сапог по ледяной броне. Один за другим заводились прогретые с утра двигатели. Алексей с удовольствием отметил слаженность экипажей. Осталось самому занять место в башне командирского танка и отдать приказ к движению. Время в запасе есть – через три часа рота в составе своего батальона должна занять исходную позицию, а затем по приказу весь корпус войдет в прорыв общего наступления. Алексей знал, что 24-й танковый корпус будет двигаться на фланге общего наступления фронта, а затем начнет действовать самостоятельно. Какова общая задача корпуса, он не знал. Разведка боем – слишком широкое понятие. И часто оно используется для того, чтобы закамуфлировать маневр резервами во время обширного наступления. Современная война, как учили Соколова в танковой школе, война маневренная. Зачастую могут меняться направление главного удара, состав группировок пробивного назначения. Нередко в полосе наступления, когда ударная группа взяла в обороне противника и теряла темп наступления и пробивную силу, главными становились соединения с вспомогательными задачами, предназначенными, например, первоначально для флангового охвата.

Натянув на руки перчатки, Соколов направился к своему танку. Штурмовая рота автоматчиков занимала места на броне танков. Часть автоматчиков расположилась вместе с боеприпасами в кузовах трехтонных ЗИС-5. Но в этот момент наперерез лейтенанту выскочил, чуть припадая на одну ногу, корреспондент.

– Алексей, Алексей Иванович! Я с тобой, с твоей ротой! – выпалил на ходу Ванюшкин, поправляя ремень ППШ на плече.

– Что? – опешил Соколов. – Ты с ума сошел! Мы пойдем в наступление, никто не знает, что там, впереди. Там бой, там будет крошечный ад.

– Ты думаешь, я этого ада в Сталинграде не видел? – тихо, с болью в голосе спросил корреспондент.

– Ну зачем тебе это? – поморщился Соколов. – После наступления все расскажем. Или на КП попросись, тебе разрешат, ты же такую крупную газету представляешь, ты военный корреспондент...

– Вот именно, – упрямо ответил Ванюшкин, – военный корреспондент. И мое дело, моя форма командира Красной Армии велит мне идти с вами, а не в тылу отсиживаться. Все видеть самому, все почувствовать: и победу, и смерть. Иначе веры моим строкам не будет у читателя. А еще, Леша, я ведь не прошусь к тебе, не уговаривать пришел. У меня есть приказ, разрешение от командования корпусом. Так что, как дисциплинированный командир, обеспечь выполнение приказа.

Соколов посмотрел на насмешливо улыбающегося корреспондента. Этот человек нравился ему все больше и больше. И не потому, что он не бегал от войны. Не потому, что стремился попасть туда, хотя и был признан медиками не годным к строевой службе. Уважение Ванюшкин вызывал тем, что стремился рассказать простым людям, как сражается Красная Армия, как воюют солдаты и командиры. Танкист понимал, что напечатанные в газетах очерки, что выходят из-под пера корреспондента, останутся и в архивах издания, и в сердцах людей. «Память об этой войне должна остаться, вот что важно, – думал Соколов. – Мы-то победим,

³ Из архива «Волгоградской правды».

любой ценой победим. А вот какими нас запомнят, какой эту войну запомнят наши потомки, зависит от Ванюшкина и таких, как он».

– Гужов! – крикнул Алексей командиру роты автоматчиков, стоявшего на подножке грузовика. – Возьми с собой в кузов корреспондента. Приказ штаба корпуса!

24-й танковый корпус генерала Баданова ввели в прорыв с Островского плацдарма, в полосе действия 4-го гвардейского корпуса. И буквально в первые же сутки танкисты получили приказ изменить направление удара. Корпус развернулся и с ходу прорвал оборону итальянских частей в бассейне реки Чир. Советское командование полагало, что за спинами итальянцев немцы готовят мощную группировку войск для прорыва к Сталинграду. Но никакой группировки в полосе атаки корпуса не оказалось. Итальянцы бросали орудия, машины, укрепленные позиции и бежали под напором советских танков.

Рота Соколова шла на левом фланге батальона. Роте была поставлена задача фланговым обходным маневром пересечь железную дорогу, западное шоссе и захватить поселок Новоалексеевский, где располагался штаб одной из дивизий 8-й итальянской армии. Разгромить гарнизон, захватить штаб, тем самым деморализовать остатки итальянских частей, заставляя их бежать дальше на запад.

– Смотри, Алексей, – майор Топилин раскрыл свой планшет на колене, поставив ногу на каток танка, и постучал по карте карандашом, – мы сейчас вот здесь с тобой. Развернешь роту на северо-запад. Выходи к поселку низинкой, лугами вдоль озер. Морозы, там все промерзло, и танки, я думаю, пройдут. Я ударю вдоль шоссе, отвлеку на себя внимание, а полк продолжит наступление севернее. Пусть итальянцы думают, что мы так и будем переть по шоссе, стараясь углубиться в их расположение. Когда основные силы полка окажутся у них за спиной, они снова побегут. Мне приказано батальоном брать Новоалексеевский, но думаю, что ты ротой справишься лучше. Тебя не сразу заметят и резервы в твою сторону не успеют развернуть.

– Понял, товарищ майор, – кивнул Соколов и тут же поднял голову, оторвавшись от карты.

Где-то в нескольких километрах севернее вдруг поднялась страшная канонада. Там сейчас били не десятки, а сотни орудий. Даже днем по низким облакам гуляли огненные зарницы. Там их полк продолжал взламывать оборону 8-й итальянской армии. За несколько дней наступления корпус углубился в оборону врага больше чем на сотню километров. То прорывая оборону, то совершая обходные маневры, танкисты шли и шли вперед.

– Хорошо, пусть думают, что основной фронт там, – кивнул командир батальона. – Жарко сейчас севернее Новоалексеевского, гарнизон оттуда ждет атаки, сплошной линии фронта на этом участке уже нет. Корпус бьет в разных местах, бьет неожиданно, маневрирует и все время рвется дальше на запад. Так что пользуйся ситуацией, Соколов!

– Машины за мной могут не пройти, в снегу увязнут, – закрывая свой планшет, сказал Алексей. – Придется брать десант только на броню. Разрешите выполнять?

– Действуй! Через час ты должен быть на исходной...

Два километра до поселка. Алексей лежал на краю оврага и рассматривал крайние дома и высокие пирамидальные тополя поселка. И понимал, что комбат решил все правильно. Атаковать поселок со стороны степи глупо. Командиров во всех современных странах учат одинаково. И подход к обороне населенного пункта сельского типа примерно у всех одинаковый. Вон батарея противотанковых пушек на прямой наводке. В сотне метров перед ней окопы с блиндажами. В них дежурное подразделение. По ходам сообщения окопы заполняются в случае тревоги в течение пяти минут другими подразделениями, поднятыми по тревоге. Со стороны шоссе возможны минные поля. Любой командир установит противотанковые мины на танкоопасном направлении. А что со стороны озер и заливных лугов? Здесь сильно пересеченная местность. Вон и проволочные заграждения. Должны быть огневые точки. Да, есть!

Четыре замаскированных ДЗОТа... За линией первых домов должна быть еще и минометная батарея. Танков может и не быть. Если только в последнее время подошли вместе с отступающими войсками. Должна быть еще зенитная батарея. Все же штаб дивизии. Если крупнокалиберные пулеметы, это еще ничего, а вот если зенитные пушки успеют поставить на прямую наводку, то мою роту сожгут в два счета. Но кажется, над крышами не видно стволов пушек. Даже замаскированных. А если они и есть, то с другой стороны поселка или в глубине. Нет, они не успеют вытащить пушки на эту окраину. Нам бы только до крайних домов на гусеницах дойти, а там автоматчики все прочешут. Не дадут неожиданно нарваться на организованную оборону противотанкового узла.

– Оценил, Гужов? – спросил Алексей командира роты автоматчиков, опуская бинокль.

– Нормально, – хмыкнул старший лейтенант. – Обычная деревня, хаты как хаты. Два взвода я тебе на броню посажу, а третий пушу в обход. Пусть левее обойдут поселок. Видишь, там дамба небольшая? В маскхалатах, да прикрываясь ивняком, они подойдут к домам на расстояние броска гранаты. Сколько у нас времени до атаки? Десять минут? Как раз успеют. Ты когда из низинки выберешься, они будут почти на месте. Даже если там нет серьезной обороны, то все равно атака с юга во фланг обороняющимся не помешает.

– Добро! Давай команду своим – и на броню.

Низовая метель засыпала снегом башни белых танков, стоявших у самого края оврага, и пехотинцев в белых маскировочных костюмах, прижавшихся к броне. Двигатели работали на малых оборотах, и за завыванием ветра их не было слышно уже в сотне метров. Соколов беспокоился, что в поле метет так сильно, что наводчикам будет трудно найти огневые точки италянцев. Но лучше пусть будет непогода, она заглушит звуки моторов подходящих к поселку танков, а дальше все решат гусеницы.

– «Семерка», я «Кречет», – раздался в шлемофоне голос комбата. – «Семерка», я «Кречет». Вам «двадцать два», вам «двадцать два»! Как поняли?

– «Кречет», я «Семерка», – ответил Соколов, прижимая к горлу ларингофоны. – Вас понял, мне «двадцать два», мне «двадцать два»!

Повинуясь приказу, танки сдвинулись с места и повзводно двинулись вперед. Широкая пойма скрывала своим склоном машины от возможного наблюдателя со стороны поселка. Нужно было пройти одно узкое место, где танки могли двигаться только колонной в две машины. Потом поворот направо и из узкого горла поймы короткий подъем. Там двигаться можно в три машины. Буквально несколько минут, и вся рота развернется в боевой атакующий порядок. Но минуты – это порой очень много, порой за это время враг успевает сделать несколько выстрелов из орудий. Но когда из «горла» будут подниматься танки третьего взвода, первый взвод уже подойдет вплотную к крайним домам.

«Зверобой» шел вместе с третьим взводом. Алексей видел, как со склонов скатывались наблюдатели и махали рукой, показывая, что все спокойно. Этим бойцов подберет третий взвод Плужина, а два других взвода должны незамедлительно атаковать поселок. И желательно даже не стрелять, очень было бы хорошо пустить огневые точки под гусеницы танков без единого выстрела. На этот счет Соколов своим взводным командирам отдал четкий приказ. Пока молчат пулеметы, танки стрелять не должны. Ни единого выстрела!

Взревев моторами, танки взвода Сайдакова полезли по склону вверх. Еще минута, и бронированные машины, выбрасывая из-под гусениц комья снега и мерзлой земли, понеслись к окраине поселка. Взвод младшего лейтенанта Букина стал подниматься по склону. Одна из машин чуть замедлилась, выбросила клубы черного дыма из выхлопных труб, но механик-водитель все же справился, переключился на пониженную передачу, и танк послушно полез вверх.

«Зверобой» поднялся из оврага во главе третьего взвода. Соколов стоял в люке, разглядывая в бинокль окраины поселка. Из небольшого окопчика вдруг поднялись и бросились

бежать два человека. Они спотыкались, падали и снова поднимались. Окоп боевого охранения, догадался Алексей. Неужели в ДЗОТах никого? Нам бы еще несколько минут, чтобы пройти открытый участок без боя. Алексей вспомнил, как они чуть ли не на цыпочках пробирались по промерзшему берегу озера, как он выводил танки к низинке, откуда можно начать атаку. А перед этим автоматчики прочесали все впереди, чтобы случайно не нарваться на итальянцев. Теперь вся эта подготовка позади, глупо, если все сорвется, и их тут ждет засада. Увы, на войне так бывает, не всегда есть возможность провести тщательную разведку. Есть приказ атаковать, и ты ведешь свои машины вперед. И что бы ни случилось, ты должен выполнить приказ.

Два пулемета открыли огонь по танкам, но другие огневые точки молчали. Алексей видел, как оттуда тоже побежали в сторону домов солдаты. Ну все, прошумели! «Огонь!» – коротко приказал Соколов. И тут же два танка, а потом еще три выстрелили по огненным точкам. Звонкие выстрелы пушек «тридцатьчетверок» эхом отозвались по округе, горячий пар от стволов за клубился, и его отнесло в сторону. В воздух полетели бревна и черная земля в тех местах, где были оборудованы пулеметные точки.

Когда до поселка оставалось всего метров пятьдесят, стало видно, что из домов выбегают солдаты и офицеры. Кто-то с оружием, а кто-то даже без шинелей. Послышались винтовочные выстрелы, сбоку длинными очередями били «шмайсеры». Советские танки стали сбавлять скорость, в снег прыгали автоматчики в белых маскхалатах. Теперь и «тридцатьчетверки» открыли огонь из пулеметов.

– Бабенко, на малых! – приказал Соколов. – Держите правее на большую улицу.

Танки сбавили скорость и подошли к крайним домам. Опережая их, в поселок побежали автоматчики. Солдаты в белых полотняных куртках и штанах поверх фуфаяк и ватных штанов припадали на одно колено, били из автоматов куда-то вперед и снова бежали за дома. Полетели гранаты. Танки первых двух взводов стали втягиваться на улицы, сопровождая пехоту. Снова стали звонко бить пушки, почти не умолкали танковые пулеметы, поливая свинцовыми струями все вокруг. Соколов высунул голову из люка и отодвинул край шлемофона. Звуков чужих танковых моторов, кроме своих «тридцатьчетверок», он не услышал, зато трещали мотоциклетные двигатели, завывали легковушки, видимо, кто-то пытался удрать из поселка.

Танк командира второго взвода Сайдакова резко пошел вправо. За ним устремился еще один танк. Кто-то из них зацепил бревенчатую стену, и хата осела на одну сторону. С крыши поползла и разлетелась по улице солома. Два черных фонтана взрывов вспухли в самом центре поселка. Советские танки углублялись в улицы, уничтожая все, что только двигалось и отстреливалось. Центр села был очищен. Вокруг валялись лишь трупы, горело несколько машин и один дом. «Тридцатьчетверка» на перекрестке вращала башней, то и дело стреляя по дальнему концу поселка. Двое танкистов вытягивали перебитую гусеницу.

Плужин доложил, что в степь уходит большая группа, около сотни итальянцев. Многие бегут, несколько груженных машин пытаются уехать прямо по целине. «Зверобой» медленно двигался по улице поселка. Алексей сидел в люке башни и принимал доклады от командиров взводов. С запада, куда пытались удрать итальянцы, не прерывалась стрельба танковых пушек и пулеметов. В самом же населенном пункте было тихо. Зрелище результата скоротечного боя было ужасающим. «Тридцатьчетверки», стреляя из пушек осколочными снарядами и поливая все перед собой пулеметными очередями, прошли гусеницами по всем улицам. Они давили и сминали все, что оказывалось на пути.

Перед большим деревянным домом Соколов увидел группу пехотинцев и среди них старшего лейтенанта Гужова. С запада на площадь выехали четыре танка Плужина. Старшина прямо из люка показал командиру большой палец руки – «все отлично, никто не ушел». Кивнув взводному, Соколов отсоединил кабель ТПУ своего шлемофона и выбрался из люка. Теперь он заметил среди автоматчиков и сутулую фигуру Ванюшкина. Кажется, корреспондент был

ранен. Его поддерживали под руки и пытались усадить возле дома на какой-то ящик. Алексей прыгнул с брони на снег и подошел к Гужову.

– Поселок прочесали, – доложил командир автоматчиков. – Мои потери: двое убитых и шестеро раненных. Пленных десятка два наберется. Половина легко раненные. Есть и тяжелораненные, но большинство и часа не проживет. Я их всех загнал в хлев, дал медикаментов, перевязочных средств. Кто может, пусть своих лечит. Хотя, будь моя воля, я бы их всех к стенке поставил.

– Только итальянцы?

– Да... хотя, виноват, – поправился Гужов. – Двое немцев есть: ефрейтор и фельдфебель.

– Стоп, а что они тут среди итальянцев делают? Двое нижних чинов?

– Значит, они с офицером были, только мы его где-то пристрелили. Теперь уж и не найдем.

– Давай я их допрошу. Это у них штаб был? – Алексей кивнул на деревянный дом. – Пусть приведут, а я пока внутри осмотрюсь.

Отдав приказ выставить наблюдение и занять позиции, брошенные итальянцами, Соколов стал просматривать бумаги, разбросанные повсюду в большой комнате. Здесь было три сейфа, все пустые. А один даже повален набок. Небольшая комната у входа, видимо, использовалась как помещение для охраны. Еще один угол, завешенный шерстяным одеялом, видимо, использовался шифровальщиком. Соколов поманил пальцем сержанта из роты Гужова и показал на отгороженный угол.

– Снимите со стола скатерть и соберите в нее все бумаги, которые здесь валяются. Осторожно, не помните и не порвите. В них могут оказаться ценные сведения. Свяжите все в узел и берегите. Несете за него личную ответственность.

В комнату привели Ванюшкина и усадили у окна. Соколов чертыхнулся. Он напрочь забыл про корреспондента, а ведь тот был, видимо, ранен.

– Олег, что с тобой? Ты ранен, нужна помощь? Почему тебе не позвали санинструктора?

– Тихо, тихо, – остановил танкиста Ванюшкин, подняв руку. – Мутит меня просто немного. Скоро пройдет.

– Контузия? – насторожился Алексей.

– Нет, просто нагляделся во время танковой атаки, да здесь еще, в поселке. Ты сейчас скажешь, чего я такого не видел в Сталинграде за эти месяцы? Правильно. – Корреспондент покачал головой. – Много чего видел. К таким вещам привык, о которых до войны и слушать бы не смог спокойно. А тут... Танки твои, понимаешь. Знаю все, подозревал, что так и есть, но вот когда увидел впервые своими глазами... не смог справиться. Вывернуло наизнанку.

– Ты о чем, Олег Николаевич? – нахмурился Соколов, начиная догадываться. – Ты видел, как мы их танками давили? Да?

– А ты видел свои танки после боя? – мужественно спросил Ванюшкин с бледным лицом. – Они темные от крови. Башни еще белые, а вот корпус, крылья, днища... Я видел внутренности, зацепившиеся за танковые катки и волочившиеся по снегу.

– Это танки, Олег, – угрюмо напомнил Соколов. – Это не прогулочные велосипеды, а боевые машины, предназначенные для уничтожения боевой техники и живой силы противника, для уничтожения огневых точек. Война идет, Олег, забудь гражданскую жизнь. Мы здесь, чтобы убивать врага, уничтожать его живую силу любым способом, всем нашим оружием, что нам вручила страна, наши матери. Огнем и гусеницами...

– Да что ты меня агитируешь! – вдруг взорвался корреспондент. – Я не хуже твоего умею агитировать. И аргументы умею находить, чтобы до сердец достучаться. Это моя работа! Ты думаешь, я врага пожалел, о гуманизме разговор завел? Мне стыдно, командир, что плохо стало от этого! Ненависти во мне меньше, чем надо. Вон, твои танкисты и глазом не моргнули: догнали в степи и всех под гусеницы пустили. Не останавливаясь! Так и надо, только так и

надо. А я... Мне просто стыдно, что мутит меня от крови. Солдата не должно мутить. Ты, это... не говори никому, ладно! У меня на петлицах все же командирские «кубари», а я, как дама на рынке... ах, у вас пахнет...

– Тьфу! – Алексей с ожесточением сплюнул. – Я думал серьезное что-то, а ты... Ладно, скажу, чтобы чая горячего тебе сделали. Разогреет внутренности, размякнет пищевод, и не будет так тошнить...

– Да чтоб тебя... про внутренности, – выдавил из себя Ванюшкин и, зажимая рот шапкой, бросился в сени.

Посмеиваясь, в хату ввалились несколько бойцов Гужова со столярными инструментами.

– Разрешите, товарищ лейтенант? – бойко приложил ладонь к шапке один из бойцов. – Ротный послал к вам кое-что из мебели починить и лежанку сколотить для сна.

– Да, спасибо, ребята, – кивнул Соколов. – Оставьте инструмент и покурите пока минут пятнадцать. Мы пленного допросим.

– Есть покурить, – загалдели веселые автоматчики, складывая у входа инструмент. – Это мы всегда пожалуйста! На войне без перекура никак!

Соколов подошел к окну и посмотрел на улицу. Краснощекое вышагивал рядом с пленным немецким офицером, то и дело подталкивая его в спину кулаком. Немец выглядел довольно жалко: один погон свисал с плеча вместе с клоком выдранной ткани, шинель на спине была разорвана по шву почти от воротника до хлястика. Вдобавок он был весь в прилипшей к влажной шинели соломе. Алексей подумал, что немца, наверное, вытащили из скирды или с чьего-то сеновала, где он прятался.

Автоматчики замерли у дверей, а замполит подвел пленного к столу, за которым сидел Алексей.

– Вот его документы, – протянул он Соколову офицерскую книжку с орлом на обложке. – Струсил, завоеватель, даже сопротивления не оказал. Аж пистолет выбросил, так боялся, что стрелять начнем!

Алексей взял в руки документы и посмотрел на офицера. Сухощавый, рыжеволосый. Губы тонкие, нервные. Кажется, он пытается сложить их в брезгливую усмешку, но получается жалкая заискивающая улыбка. «А ведь он трусит, еще как трусит, – со злорадством подумал Алексей. – Сколько ему лет, тридцать с небольшим. Наверняка до Восточного фронта успел в Европе повоевать. И теперь два года постигает простую истину, что Советский Союз нелегкая добыча. Это вам не Франция, которая капитулировала, когда гитлеровцы захватили ее столицу. Даже половину страны они не стали оккупировать, а французы сдались. Да что там говорить, поняли фашисты, что не по зубам им Советский Союз, не рухнет наш народ на колени ни перед кем. До последнего будут сражаться и мал, и велик!»

– Ну что, майор? – спросил Алексей по-немецки. – Холодно в Советском Союзе зимой? Солома согревает?

– Вы можете издеваться надо мной, ваше право победителя, – пробормотал немец, глядя на руки советского командира, которые держали его документы. Наверное, он боялся, что эти руки схватятся за пистолет.

– Издеваться? – Соколов откинулся на спинку стула и хмуро посмотрел на немца. – Послушайте, вы, господин моралист! Вы вообще-то что здесь делаете?

– Меня к вам привели, – пожал плечами майор.

– Вы идиот, в вермахт идиотов набирают? – осведомился Алексей, зло прищурившись. – Что вы делаете в моей стране, на моей земле? Кто вас сюда звал? Вы считаете, что имеете право топтать чужую землю, жечь дома, убивать мирных граждан. Кто вам дал это право? Вы сами себе его присвоили. Тогда вас не должно удивлять желание каждого советского человека убивать вас. Что вы сделали с моей родиной, что вы сделали со Сталинградом!

Алексей понял, что теряет контроль, что бешенство заполняет его. И он вот-вот схватится за пистолет и разрядит всю обойму в эту мерзкую рыжую морду убийцы. Алексей знал, что может это. И сделает это легко и даже с удовольствием. И вдруг ему на миг стало не по себе. Воспоминания о прежней счастливой и светлой жизни захлестнули картины боев, гибели товарищей, трупов женщин и детей на разбомбленных дорогах, в душе поднялась невыносимая горечь от того, что всего этого уже не будет. Нет, Алексей верил в победу, верил, что страна снова отстроится и заживет счастливо. Но он уже не станет прежним. Нельзя стать прежним после того, как ты несколько лет убивал. Да, врагов, да, это война, и долг каждого советского человека убивать врага, и приближать день освобождения Родины. Но как бы ни был ненавистен враг, он все равно живой человек. И нажать на курок и видеть, как он корчится и умирает, непросто. А Алексей привык. И эта привычка останется с ним до конца его дней. И привычка нажимать на курок при виде этой формы, при звуке немецкой речи. «И вот за то, что они сделали со мной, я тоже буду их убивать», – обреченно подумал Алексей.

– Цель вашего прибытия в штаб итальянской дивизии? – спросил Соколов хриплым от волнения голосом.

– Я, как и вы, принимал присягу. – Немец надменно вздернул подбородок и побледнел.

– Тебя с твоей присягой... – прорычал по-русски Алексей, медленно поднимаясь со стула и расстегивая кобуру. – Дерьмо ты коровье, ты еще меня смеешь...

Немец уставился широко раскрытыми глазами на руку молодого танкиста, которая тащила из кобуры ТТ, и мелко затрясся. Но тут замполит подскочил и закрыл своим телом немца. В его глазах было столько негодования, что Соколов чуть не рассмеялся.

– Ты что? Спятил? – закричал Краснощеков. – Это ценный немец, он может располагать важными сведениями. Ты хоть понимаешь, что твое поведение недостойно советского человека и командира Красной Армии. Я доложу в политотдел, что ты невыдержанный и недисциплинированный командир. Убери сейчас же пистолет!

– Ты сколько воюешь, Михаил? – борясь с бешенством, спросил Алексей. – И полгода нет. А что ты там, в тылу, на своей комсомольской работе видел? Ты видел, как они...

Задыхаясь от ненависти, от переполнявших эмоций, Соколов тыкал в сторону пленного немца стволом своего пистолета и пытался выразить словами все, что рвалось из глубин души. Но пленный, переживший ужас последнего боя, когда советское танковое подразделение в пыль раскатало итальянскую оборону, не понимая русского языка, но очень хорошо чувствуя эмоции молодого танкиста, решил, что его сейчас просто пристрелят. Наверное, перед его глазами уже мелькнуло видение вспышки выстрела прямо в лицо, посмертные ощущения, когда его поволокут за ноги на улицу и голова будет биться о ступни, оставляя кровавый след на старых половых досках.

– Nein, Nein, Herr Offizier! – закричал немец в иступлении, хватая за плечо Краснощекова и будто прикрываясь им от разъяренного советского командира. – Ich werde reden! Ich sage alles! Nicht schießen⁴!

Через полчаса в Новоалексеевский приехал командир батальона Топилин. С одобрением майор смотрел, как готовятся окопы для двух взводов «тридцатьчетверок» на танкоопасных направлениях. Для пехоты рылись окопы полного профиля. С восточной стороны восстанавливались окопы и ДЗОТы, разрушенные во время атаки. Рота готовилась занимать круговую оборону.

Выслушав доклад Соколова о потерях, комбат повернулся к бойцу с рацией за плечами и приказал:

– Пусть отправят сюда санитарную машину за ранеными, и ремонтники пусть привезут все, что ротный скажет.

⁴ Нет, нет, господин офицер! Я буду говорить! Я все скажу! Не стреляйте! (нем.)

– Я помещение занял, в котором у итальянцев штаб был, – сказал Соколов. – Что-то они успели вывезти, но большей частью мы подавили их в чистом поле. Я послал бойцов собрать документы, которые найдут. И в доме у них шифровальное отделение располагалось. Мы в мешок собрали все до клочка бумажки.

– Молодец, соображаешь, – улыбнулся комбат. – Вот что значит не первый год на войне! Оборону занимаешь правильно. Одобряю. Помочь тебе пока ничем не могу, даже мин нет. Отстали тылы. Используй, Алексей, все, что есть под рукой. Сможешь, снимай мины с минных полей с восточной стороны поселка. Боеприпасов подбросим. Хорошенько замаскируй взвод подвижного резерва. Немцы могут бросить сюда авиацию. Все-таки понимают, что здесь был штаб итальянской дивизии. Хотя весь итальянский фронт сейчас бежит, только пятки сверкают. Вояки, мать вашу! Пленные есть?

– Есть. Пятьдесят четыре солдата и три младших офицера. Все счастливы, что живы остались. Я под конвоем отправил их к вам в штаб батальона, часа через три добредут по дороге. Есть еще три немца. Один из них майор.

– Ух, ты! – оживился Топилин. – Майор, говоришь? Чего его сюда занесло? Допросил? Ты же вроде с немецким языком дружишь.

– Он приезжал сюда с инспекцией. С ним два младших чина. Штабной, перетрусил во время боя. Его еле достали из стога сена, чуть рукава не оторвали. Мало что знает, он больше по материально-финансовой части. Но когда жить захотел, то лопотал вполне уверенно, что готовится немецкое наступление с целью деблокирования шестой армии в Сталинграде. Слышал о какой-то операции «Винтергевиттер», но что это, точно не знает. К оперативному отделению штаба армии он отношения не имеет.

– «Винтергевиттер»? – задумчиво повторил майор. – Кривит душонкой этот твой немчура. Финансист, тыловик больше других может знать о планирующихся операциях. Каждая операция предполагает затраты, использование материальных ресурсов. А это все учеты. У немцев с этим строго. Не может такого быть, что не знает.

– Говорит, что с южного направления удар готовится. Доложить надо в корпус, у них связь с армией есть, со штабом фронта. Вдруг там не знают.

– С юга? Точно? – Топилин удивленно посмотрел на лейтенанта. – У нас сведения были о подготовке удара с запада. Мы и в прорыв вошли, чтобы разведать силы и средства предполагающейся немецкой операции. А тут получается, что впереди и нет никаких больших сил? Ну-ка, ну-ка, давай сюда твоего немца. Заберу его с собой!

Декабрьский день короток. Под вечер завьюжило, замело по степи. Соколов обходил позиции своей сводной группы вместе с командиром роты автоматчиков и с удовольствием наблюдал, как черная земля на местах земляных работ покрывается белым покровом. Нет ничего лучше естественной маскировки. Укрывшись за сараями и натянув сверху брезент, при факелах и свете лампы от дизельного генератора ремонтировались два танка из второго и третьего взводов. К полуночи Алексей вместе с Гужовым закончил осмотр позиций и остался доволен.

В доме было тепло. Разбитое окно танкисты закрыли досками и брезентом. Логунов вопросительно посмотрел на командира, а когда Соколов согласно кивнул, быстро достал из вещмешка фляжку с водкой. Нехитрая солдатская сервировка из сухого пайка. Сегодня кухня не пришла, и рассчитывать на горячее питание можно будет только на следующий день. Вот только дадут ли фашисты такой шанс, неизвестно. Тушенка, разогретая на печи, банки с кашей, вскрытые ножом и поставленные на горячую печь. Хлеб, нарезанный крупными ломтями, сало, которое удалось купить у местного населения неделю назад, крупными кольцами нарезанный лук.

– Ну что, ребята! – Соколов поднял свою кружку. – Давайте сначала за хозяев этого дома! Где они сейчас, живы ли? Ведь строили дом, была семья, жили мирно и счастливо...

– А может, и не очень, может, муж пил и жену бил, – хмыкнул Бочкин, но, нарвавшись на строгий взгляд Логунова, сразу замолчал.

– Нет, Коля, – неожиданно вставил Бабенко. – Ты посмотри, какой тут раньше сад был. Сейчас, конечно, только пеньки и стволы обгорелые, но сад был хороший, зрелый. А сады не растут там, где нет любви и согласия. Растения вообще очень хорошо чувствуют, что у человека на душе. Растения и собаки.

– Вот ты, Семен, даешь, – засмеялся Логунов. – Городской житель, технический человек, а в какие тонкости углубился. Природные!

– Прав Семен Михайлович, – согласился Алексей. – И неважно, где жил человек, в каких местах вырос. Или в крупном городе, как Бабенко, или в горном ауле среди природы, как Руслан. Мне кажется, здесь все зависит, как душа у человека устроена.

– А как она, интересно, устроена у фашистов? – вдруг спросил Омаев. – Я знаю, что на земле сколько хороших людей, столько и плохих. Но чтобы целая страна была населена плохими людьми, я даже и представить себе не мог.

– Давайте сначала выпьем за хороших, – вздохнул Соколов, – за тех, кто жил в этом доме и, надеюсь, вернется и дальше будет жить! Чья крыша дала нам сегодня приют. А мы уйдем на запад продолжать бить этих самых плохих людей.

Выпили с удовольствием, кто с довольным видом вытер губы рукавом, кто шумно выдохнул. Потянулись закусывать, и сразу завязался неспешный разговор под хруст лука. Лица танкистов порозовели, взгляды стали мягче. Напряжение последнего боя отпускало. Поели, налили по второй, уже не торопясь опрокидывать в рот алкоголь. Теперь перед вторым тостом захотелось поговорить, порассуждать. Алексей ел, подхватывая кончиком финки мясо и посматривал на своих боевых товарищей. Какие они все разные. И по характеру, и по привычкам, и по прошлой довоенной жизни. А вот пришла нелегкая пора, и взялись все как один за оружие. Хорошие мужики: добрые, умелые, умные. И из Руслана Омаева вырастет хороший джигит, настоящий мужчина, который никогда не покривит душой и не обидит слабого. И Коля Бочкин станет хорошим рабочим или инженером после войны. И Логунов все же женится на его матери и станет хорошим мужем и добрым отчимом парню. А Бабенко вернется на восстановленный завод. Или станет сам вместе с другими его восстанавливать. И его опыт эксплуатации техники в боевых условиях поможет в его работе и дальше. А может, он вообще станет большим ученым в этой области, доктором наук, напишет много технических книг. Ведь напишет! Умный мужик Бабенко!

И снова в душе стала подниматься мрачная злость, заполнять душу, и очень трудно погасить в себе это. Если во время боя, то там проще, там у тебя в руках мощная бронетехника и ты крушишь врага со всей яростью. А в такие минуты затишья как бороться с собой? Трудно спокойно смотреть и понимать, что сделал враг с этими людьми, с целым народом. Даже не говоря о тех, кто уже погиб и кто еще погибнет. А вот те, кто останется жить, не останутся прежними. Даже добряк в быту Бабенко сегодня гнал танк и давил врагов. То-то Ванюшкина затошнило от вида танков после боя, в засохшей крови по самые башни. Что остается от человека, когда по нему проедет 40-тонная машина. Огнем и гусеницами мы их уничтожали и будем уничтожать. И эти картины: трупы врагов, их ненавистные лица и предсмертные крики мы будем помнить до конца жизни. И не будем раскаиваться, потому что мы защищали Родину, своих матерей, отцов и детей. Никто фашистов не звал, никто им не позволит безнаказанно убивать наших людей и жечь наши города. Мы им все припомним, за все ответят. И за Сталинград, и за Москву, и за Ленинград. За все сожженные и разрушенные города. Но самое главное – они ответят за то, что научили нас люто вас ненавидеть и научили вас убивать. Сколько еще поколений советских людей будут носить мучительно ноющие шрамы на своей душе после этой войны!

А Руслан не прав. Нет подлого и гадкого народа. Есть правители, которые умеют превратить целый народ в стаю шакалов и гнать их на другие народы рвать клыками, убивать и жечь. Народ не виноват. Виноваты те, кто у власти. Не сохранить бы нам ненависть именно к немецкому народу, а не к фашизму. Вот еще что важно! Как все не просто, ребята... И дожить бы еще до конца войны...

Глава 3

Выкрашенная белой краской «эмка» остановилась возле каменного дома с разрушенным разрывом снаряда углом. Другая сторона здания оказалась цела, только в ней не было ни одного целого окна. Проемы были завешены брезентом, шерстяными одеялами, а из трубы над крышей лениво курился дымок. Но идиллии в этой мирной картине возле штаба корпуса не было. То и дело подъезжали и отъезжали верховые и грузовые автомашины, мотоциклы. Даже верховые посыльные мелькали.

Соколов потопал ногами на ступенях, сбивая с сапог снег, и открыл дверь. Баданова он узнал сразу, даже со спины. Коренастый, широкий. И голос уверенный, чуть насмешливый. Алексей слышал от командиров, что когда приказ отдает сам командир корпуса, сразу возникает ощущение, что он выполним, что все получится. Ни намек на неуверенность, ни повода сомневаться, что приказ Баданова не продуман им до конца, не взвешены все «за» и «против». Потому и в корпусе был порядок. И не просто порядок, а порядок с какой-то лихостью. И воевали новые подразделения и части, сформированные за последние месяцы, тоже лихо и уверенно. Потому и прошел корпус за короткий период такое расстояние, круша тылы вражеских армий. Вера в командира – великое дело на войне. А в Баданова верили и его подчиненные, и командование. Поэтому столько времени и сил было потрачено на пополнение и подготовку корпуса, и задача, о которой знали немногие, была важной. Такой, которую поставили бы не перед каждым даже очень опытным командиром.

– Вот он, твой орел, – проговорил командир корпуса, разглядывая молодого танкиста, доложившего о прибытии. – Сразу видно, что орел, хоть и Соколов. Ну, ничего, соколы стремительнее, и из их когтей тоже вырваться непросто. А нам сейчас не кружить и добычу высматривать надо, а бить наверняка, точно и сразу уходить. Понял намек, ротный?

– Понял, что мне ждать приказа идти в бой! – уверенно заявил Алексей, зная, что Баданову нравится, когда подчиненные не теряются.

Топилин, стоявший с другими командирами возле стола над картой, еле заметно одобрительно кивнул Соколову. Видимо, комбат был в курсе событий, а может, по его совету как раз и вызвали командира танковой роты Соколова. Сняв полушубок, Алексей затянул ремень, расправил под ним складки гимнастерки и подошел к столу.

– Есть одна идея, лейтенант, – повернувшись к Соколову, сказал командир корпуса. – И поручить ее реализацию мы решили тебе. Комбат сказал, что ты воюешь с июня сорок первого. Что ты просто специалист по рейдам и танковым засадам.

Соколов вдруг подумал, что два года назад, еще в танковой школе, он бы, слушая такие похвалы, покраснел от смущения и удовольствия. А сейчас он просто выслушал мнение командования о себе. Здесь, на фронте, никто не бросается словами и похвалами. Это просто оценка командиром твоих заслуг, твоего умения. И дело сейчас не в том, что тебя хвалят и за что-то хвалят. Ясно, что следом за оценкой последует приказ. Ты выполнишь то, что, по мнению командования, умеешь делать лучше других. А значит, задача будет выполнена и потери будут минимальными. Вот и все, что кроется за словами генерала Баданова.

– Ситуация такова, товарищи, – заговорил Баданов, подойдя к карте и обращаясь ко всем приглашенным на совещание командирам. – В течение шестнадцатого и семнадцатого декабря фронт на реке Чире был прорван нашими частями и соединениями. Из числа дивизий восьмой итальянской армии, находящихся в полосе наступления нашего корпуса, серьезного сопротивления никто не оказал. Враг был разгромлен и бежал. За восемь дней общего наступления фронта наши войска продвинулись местами на расстояние до двухсот километров. И что мы имеем на данный момент, Алексей Семенович?

Полковник Бурдейный, который до этого стоял, склонившись над картой и потирая в задумчивости скулу, выпрямился и одернул гимнастерку.

– Как я и докладывал третьего дня, по данным оперативного управления нашего штаба, по разведанным и сведениям, полученным от пленных, по степени оказания сопротивления вывод напрашивается прежний: никаких немецких группировок, нацеленных на деблокирование шестой немецкой армии, на этом участке фронта нет.

– Так, начальник штаба своего мнения не изменил, – кивнул Баданов своей крупной головой. – Еще какие мнения?

Командиры один за другим стали высказываться. Кто-то засомневался, что по рокаде Ростов-на-Дону – Воронеж можно перебросить войска для наступления на этом участке. Другие стали возражать, что таким образом серьезное контрнаступление не организуешь. Большое количество войск сразу перевозить нельзя, может засечь авиация, есть и другие способы наблюдения. Войска должны занять исходные позиции. «С колес» не наступают – командирам нужно указать ориентиры, подготовить артиллерию или авиацию для предварительного удара по противнику. Составление карт стрельбы тоже требует времени, если батарея или целые дивизионы собираются стрелять с закрытых позиций. А мы уже больше недели наступаем, и картина на фронте меняется каждый день.

– «Винтергевиттер», – подал голос майор Топилин.

– Вот! – Баданов поднял вверх указательный палец. – «Винтергевиттер» – «зимняя буря», «зимняя гроза», так переводится, Соколов? Твой пленный говорил, что слышал об этом в штабе. А когда придумываются такие названия, то они касаются не генеральского выезда на охоту с денщиками, егерями и ручными оленями. А раз есть название, есть и соединения, части, назначенные для участия в этой операции. И они где-то находятся. Мы отошли от Чира почти на двести километров. Это большое расстояние для места расположения и построения атакующих колонн. Но все же лучше нам перестраховаться. Нам нужна разведка боем, Соколов. Нам нужен рейд небольшой группы танков. Нам нужна информация!

– Василий Михайлович, мы и так уже действуем в отрыве от основных сил фронта, – напомнил Бурдейный.

– Значит, у нас лучшее положение, – отрезал командир корпуса. – Лучше, чем у других. Мы дальше заглянули в немецкие тылы! Твоя задача, Соколов, под прикрытием удара дивизиона «Катюш» прорваться через оборону противника, углубиться в его тылы на расстояние не менее пятидесяти километров и выйти в бассейн реки Быстрая. Если вражеских войск на восточном берегу Быстрой нет, значит, группировки, нацеленной на прорыв к Паулюсу, тоже нет. Учти, лейтенант, что, основываясь на привезенных тобой данных, штаб корпуса будет планировать дальнейшие боевые действия. Прорваться, добыть и вернуться! Вот и все, что от тебя требуется. Как собираешься действовать, Соколов?

– Для такого рейда использовать всю роту нецелесообразно, – сразу же заявил Алексей, разглядывая карту. – Маневренность и скорость ударов могут обеспечить взвод танков с десантом автоматчиков. Зима, бойцы быстро окоченеют на броне. Нужно хотя бы три полугусеничных ЗИСа.

– С их скоростью? – Баданов с сомнением покачал головой. – Да и отстали наши автоколонны с горючим и боеприпасами. Нет, командир, рассчитывать можно только на себя.

– Может, привязаться автоматчикам? – предложил помпотех. – Мы за час наварим на танках дополнительные скобы, изготовим в мастерских «карабины» по типу альпинистских для быстрого соединения «обвязки» каждого десантника с танком.

– Нет, – покачал головой Соколов. – Кого-то могут ранить, кого-то контузят, и они останутся висеть на башне. «Карабин» заест, или он сломается, и автоматчик не сможет покинуть машину. Лучше сделать «волокуши». Просто и быстро.

– Волокуши? – удивленно переспросил Баданов.

– Да, – подтвердил Соколов, – мы еще в сорок первом зимой их использовали для вывоза раненных, когда, кроме как на танках, больше нечем было. Просто лист железа, края загнуть вверх, спереди побольше, сзади поменьше. Главное, чтобы лапника елового или соломы можно набросать и брезентом накрыть. Чтобы на металле автоматчикам не лежать.

– Это действительно проще, – согласился один из командиров. – И мы такие «волокуши» применяли. Но эта конструкция хороша для одной атаки, чтобы сохранить высокую скорость. А при непосредственном сближении с передовой противника пехота соскакивает с «волокуш» и атакует уже пешим порядком. Вы думаете, товарищ лейтенант, что сможете таскать их несколько дней по тылам за танками? Да у вас автоматчики отравятся выхлопными газами дизельных моторов быстрее, чем вы войдете в соприкосновение с противником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.